

Агата Кристи
Первая леди детектива

◆ *Agatha Christie* ® ◆

Агата Кристи – самый публикуемый автор всех времен и народов после Шекспира. Тиражи ее книг уступают только тиражам его произведений и Библии. В мире продано больше миллиарда книг Кристи на английском языке и столько же – на других языках. Она автор восьмидесяти детективных романов и сборников рассказов, двадцати пьес, двух книг воспоминаний и шести психологических романов, написанных под псевдонимом Мэри Уэстмакотт. Ее персонажи Эркюль Пуаро и мисс Марпл навсегда стали образцовыми героями остросюжетного жанра.

Многие произведения писательницы были превращены в пьесы, фильмы и телевизионные сериалы. Среди наиболее известных фильмов по ее произведениям – «Убийство в “Восточном экспрессе”» (1974 и 2017 гг.) и «Смерть на Ниле» (1978 г.). Роль Пуаро в этих фильмах сыграли знаменитые актеры Альберт Финни, Кеннет Брана и Питер Устинов соответственно. На телевизионном экране незабываемый образ великого сыщика создал Дэвид Суше, а мисс Марпл воплотили такие актрисы, как Джоан Хиксон, Джеральдин Макьюэн и Джулия Маккензи.

АГАТА
КРИСТИ

ТАЙНА
«ГОЛУБОГО ПОЕЗДА»

МОСКВА

2022

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
К82

Agatha Christie
THE MYSTERY OF THE BLUE TRAIN

Copyright © 1928 Agatha Christie Limited.

All rights reserved.

AGATHA CHRISTIE, POIROT and the Agatha Christie Signature are registered trademarks of Agatha Christie Limited in the UK and elsewhere. All rights reserved.

Agatha Christie Roundels Copyright © 2013 Agatha Christie Limited. Used with permission
<http://www.agathachristie.com>

Иллюстрация на переплете *Филиппа Барбышева*

Кристи, Агата.

К82 Тайна «Голубого поезда» / Агата Кристи ; [перевод с английского А. С. Петухова]. — Москва : Эксмо, 2022. — 320 с.

ISBN 978-5-04-165996-7

В роскошном экспрессе «Голубой поезд», следующем из Лондона на Французскую Ривьеру, произошла трагедия. Задушена в собственном купе дочь известного американского миллионера Рут Кеттеринг, а все ее драгоценности, в том числе изумительный рубин, исчезли. В том же поезде ехал отдыхать на море и великий сыщик Эржюль Пуаро, который, разумеется, не мог оставаться в стороне от расследования. Все вокруг него только и говорят, что о загадочном похитителе драгоценностей по кличке Маркиз, и полностью уверены, что это преступление — его рук дело. Однако Пуаро получил информацию о том, что незадолго до того, как несчастную женщину обнаружили мертвой, из ее купе выходил муж Рут, Дерек...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-165996-7 © Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Глава 1

МУЖЧИНА С СЕДЫМИ ВОЛОСАМИ

Было уже около полуночи, когда мужчина в дорогом меховом пальто пересек площадь Согласия. В его subtilной фигуре и походке было что-то птичье.

Небольшой человечек с лицом, похожим на крысину мордочку. Никто бы не смог предположить, что подобный тип может достичь чего-то значительного или стать известным в какой-либо сфере человеческой деятельности. Однако наблюдатель, пришедший к такому заключению, поторопился бы. Потому что, хоть и выглядел этот человек более чем незначительно и незаметно, он играл значительную роль в определении судеб человечества. В империи, которой управляли крысы, он был Королем крыс.

Вот и сейчас в посольстве с нетерпением ожидали его возвращения.

Однако до своего возвращения ему надо было закончить одно дело — дело, о котором в посольстве ничего не знали.

В лунном свете его лицо с резкими чертами казалось совсем белым. Нос его имел чуть заметную горбинку, так как его отец был польским евреем, занимавшимся пошивом рабочей спецодежды. Сегодня мужчина находился за границей по делу, которое наверняка понравилось бы его отцу. Подойдя к одному

6 из мостов, он пересек Сену и углубился в один из менее уважаемых районов Парижа. Здесь остановился перед высоким обветшавшим зданием и по лестнице поднялся на четвертый этаж. Не успел он постучать, как дверь квартиры открыла женщина, которая, по-видимому, ждала его прихода. Не поздоровавшись, она помогла ему снять пальто, а затем провела в уютно обставленную гостиную.

Электрический свет, приглушенный грязноватой розовой люстрой, смягчал, хотя и не мог полностью скрыть, лицо девушки, покрытое толстым слоем яркого макияжа. Он не мог скрыть также ее широкие, монгольские черты. Никаких сомнений ни в профессии Ольги Демировой, ни в ее национальности не возникало.

— Всё в порядке, девочка?

— Всё в порядке, Борис Иванович.

— Думаю, что за мною никто не следил, — пробормотал мужчина, кивнув.

Но в его голосе чувствовалось волнение. Он подошел к окну, осторожно отодвинул штору и внимательно осмотрел улицу. Взгляд его выдавал напряжение.

— На противоположной стороне тротуара стоят двое мужчин. Мне кажется, что... — Борис замолчал и стал грызть ногти — по привычке он делал это всегда, когда волновался.

Русская девушка успокаивающе покачала головой:

— Они уже были здесь до того, как вы пришли.

— И все равно, мне кажется, что они наблюдают именно за этим домом.

— Возможно, — равнодушно согласилась она.

— Но тогда...

— Что тогда? Даже если им что-то известно, то отсюда они пойдут уже не за вами.

На губах мужчины появилась жестокая улыбка.

— Да, — согласился он, — ты права.

Минуту или две он размышлял, а затем заметил:

— Этот чертов американец — он может постоять за себя лучше, чем кто бы то ни было.

— Здесь я с вами соглашусь.

Мужчина вновь подошел к окну.

— Серьезные ребята, — пробормотал он со смешком. — И полиции, по-видимому, хорошо знакомы... Ну что же, могу лишь пожелать им хорошей охоты.

Ольга Демирова покачала головой.

— Если все, что говорят об этом американце, правда, то для того, чтобы справиться с ним, потребуется нечто большее, чем два уличных апаша¹. Интересно... — Она замолчала.

— Что?

— Да так, ничего. Только сегодня вечером по этой улице уже дважды прошел мужчина с седыми волосами.

— Ну и что?

— А вот что: когда он проходил мимо этих двух, то уронил перчатку. Один из бандитов поднял ее и вернул хозяину. Вот такая нехитрая уловка.

— Ты хочешь сказать, что седовласый — их наниматель?

— Похоже на то.

Было видно, что русский заволновался.

— А ты уверена, что посылка в надежном месте? И что ее никто не вскрывал? Слишком уж много разговоров было за последнее время... слишком много. — Он опять впился в свои ногти.

— Посмотрите сами.

¹ Так в Париже называют уличных хулиганов и бандитов.

8 Девушка наклонилась к камину и уверенным жестом отодвинула угли в сторону. Под ними, в самой середине кучи измятых обрывков бумаги, она нашла продолговатый предмет, завернутый в грязную газету, который протянула мужчине.

— Очень умно, — сказал тот, с одобрением кивнув.

— Эту квартиру обыскивали дважды. Даже матрас на моей кровати был вскрыт.

— Как я и говорил, — пробормотал русский. — Слишком много вокруг всего этого поднялось шума... Не надо было так долго торговаться.

Он развернул газету. Внутри находилась небольшая коробка, сделанная из коричневого картона. Ее Борис тоже открыл, проверил содержимое и быстро завернул все по-старому. Не успел он закончить, как в дверь позвонили.

— Американец пунктуален, — заметила Ольга, взглянув на часы.

Она вышла из комнаты и через минуту вернулась в сопровождении незнакомца — крупного, широкоплечего мужчины, в котором за версту можно было узнать американца. Он внимательно осмотрел находившихся в комнате и вежливо поинтересовался:

— Месье Краснин?

— Именно так, — ответил Борис. — Должен извиниться за неудобство этого места встречи. Но секретность в нашем деле важнее всего. Я не могу себе позволить, чтобы меня каким-то образом связали с этим делом.

— Неужели? — вежливо произнес американец.

— Вы ведь дали мне слово, не правда ли, что детали этой сделки никогда не выйдут наружу. Это одно из неперемных условий продажи.

Американец утвердительно кивнул.

— Мы уже обо всем договорились, — равнодушно произнес он. — А теперь, если позволите, я бы хотел увидеть вещь.

— А наличные у вас с собой?

— Да, — ответил мужчина.

Однако он не сделал никакой попытки их достать. Секунду поколебавшись, Краснин указал на небольшой сверток, который лежал на столе.

Американец взял и развернул коробку и, поднеся ее содержимое к небольшой электрической лампе, внимательнейшим образом изучил его. Казалось, увиденное его удовлетворило. Он достал из кармана толстый кожаный бумажник, из которого извлек пачку денег, протянул их русскому, который тщательно пересчитал купюры.

— Всё в порядке?

— Благодарю вас, месье. В полнейшем.

— Ну и хорошо, — произнес посетитель и небрежно засунул сверток в карман своего пальто. — Всего хорошего, мадемуазель, — кивнул он женщине. — Месье Краснин, всего хорошего.

Американец вышел, захлопнув за собой дверь. Двое оставшихся в комнате посмотрели друг на друга.

Краснин облизал пересохшие губы.

— Интересно, сможет ли он добраться до гостиницы?

Не сговариваясь, они повернулись к окну как раз в тот момент, когда мужчина вышел из подъезда, свернул налево и двинулся прочь быстрыми шагами, так ни разу и не обернувшись.

Две тени отделились от противоположной стены и бесшумно двинулись следом. Жертва и преследователи растворились в ночи.

10 — Он доберется, — заметила Ольга Демирова. — Можете быть в этом уверены. Не бойтесь — и не надейтесь.

— А почему ты в этом так уверена? — спросил Краснин с любопытством.

— Человек, у которого столько денег, как у этого типа, не может быть идиотом, — заметила женщина. — Кстати, о деньгах... — Она со значением посмотрела на Краснина.

— Да?

— Моя доля, Борис Иванович.

Нехотя Краснин отделил от пачки две банкноты и протянул их Ольге. Та кивнула в знак благодарности, а затем без всяких эмоций засунула их в свой чулок.

— Ну, вот и славненько, — проговорила женщина с удовлетворением.

Краснин бросил на нее любопытный взгляд.

— И что же, Ольга Васильевна, никаких сожалений?

— А о чем я должна сожалеть?

— О том, что находилось под вашим присмотром. На вашем месте любая женщина сошла бы с ума от подобной вещи.

Ольга задумчиво кивнула.

— Да, здесь вы правы. Любая женщина, но не я. Сейчас мне гораздо интереснее...

— Что именно? — продолжал любопытствовать Краснин.

— С этим американцем ничего не случится — в этом я уверена. А вот потом...

— Да? Что же случится потом?

— Он наверняка подарит их какой-то женщине, — задумчиво произнесла Ольга. — Интересно, что с ними будет потом...

Она нетерпеливо покачала головой и подошла к окну. Неожиданно она вскрикнула и позвала своего сообщника. 11

— Посмотрите, вот он сейчас идет по улице — я имею в виду этого мужчину.

Вместе они смотрели на улицу. Тонкая, элегантная мужская фигура не торопясь двигалась по тротуару. На мужчине были надеты складной цилиндр и накидка. Когда он проходил под фонарем, в глаза наблюдавшим бросились густые белые волосы.

Глава 2

ПОЯВЛЯЕТСЯ МЕСЬЕ МАРКИЗ

Седовласый мужчина не торопясь продолжал свой путь, не обращая, казалось, никакого внимания на окружающее. Он повернул налево, а потом еще раз налево. Время от времени он начинал что-то мурлыкать себе под нос.

Неожиданно седоголовый замер и внимательно прислушался. Он явственно услышал звук — это могла быть или лопнувшая автомобильная шина, или выстрел. На секунду на губах мужчины появилась заинтересованная улыбка. А потом он продолжил свою неторопливую прогулку.

Повернув за угол, седой мужчина подошел к месту, где наблюдалось некоторое оживление. Два представителя закона что-то записывали в свои записные книжки, а рядом с ними уже собралось несколько зевак. У одного из них седовласый вежливо поинтересовался:

— Здесь что-то произошло, не так ли?

— Да ничего особенного, месье. Двое бандитов попытались напасть на пожилого американца.

— И что же, они ранили его?

— Да нет, — рассмеялся говоривший. — У американца в кармане оказался револьвер, и прежде чем апаши успели напасть, он сделал несколько выстрелов. Верно, пули пролетели так близко от них, что бандиты

предпочли мгновенно улетучиться. Ну а полиция, как всегда, появилась слишком поздно. 13

— Ах вот в чем дело, — произнес спрашивавший, не выказав при этом никаких эмоций.

Все так же беззаботно он продолжил свою прогулку. Перейдя через Сену, оказался в более богатом районе города. Минут через двадцать остановился перед домом, стоявшим на тихой аристократической улице.

Магазин — а это, без сомнения, был магазин — оказался скромным и лишенным каких бы то ни было претензий. Д. Папополус, антиквар, был так хорошо известен в определенных кругах, что не нуждался ни в какой рекламе — ведь свой основной бизнес он проворачивал отнюдь не за магазинным прилавком.

У месье Папополуса имелась прекрасная квартира с окнами, выходящими на Елисейские Поля, и можно было предположить, что в это время суток он окажется именно там, а не в магазине; но мужчина с седыми волосами, казалось, знал, что делает, когда нажимал неприметный звонок на двери магазина, глянув предварительно в обе стороны пустынной улицы.

Его уверенность была вознаграждена: дверь открылась, и в дверном проеме показалась мужская фигура. В ушах открывшего покачивались золотые серьги, а смуглое лицо ничего не выражало.

— Добрый вечер, — произнес пришедший. — Твой хозяин здесь?

— Хозяин-то здесь, но в такое время он не принимает случайных посетителей, — прорычал открывший.

— Думаю, что меня он примет. Доложи ему, что пришел его друг месье Маркиз.

Слуга приоткрыл дверь пошире и позволил пришедшему войти.

14 Мужчина, назвавший себя месье Маркизом, когда говорил, то прикрывал нижнюю часть лица рукой. К тому моменту, когда слуга вернулся и сообщил, что месье Папополус будет рад принять посетителя, во внешнем виде пришедшего произошли изменения. Слуга был или совсем не любопытен, или слишком хорошо вымуштрован, потому что совсем не удивился, когда увидел, что лицо Маркиза оказалось скрытым под шелковой полумаской.

Проводив пришедшего до двери в конце холла, он открыл ее и с почтением доложил:

— Месье Маркиз.

Навстречу странному гостю поднялась очень импозантная мужская фигура. Во внешнем виде месье Папополуса сквозило нечто почтенное и патриархальное. У него был высокий лоб и роскошная белая борода. В его манерах замечались скромность и привычка к милосердию.

— Мой дорогой друг, — произнес месье Папополус.

Он говорил по-французски, и его глубокий голос был весь пропитан елеем.

— Я должен извиниться, — заметил пришедший, — за столь поздний визит.

— Ну что вы, что вы, — отмахнулся месье Папополус. — Сейчас как раз очень интересное время суток. И у вас был, по-видимому, очень интересный вечер.

— Не совсем у меня, — ответил месье Маркиз.

— Не совсем у меня, — повторил антиквар. — Ах, ну да, ну конечно... А новости-то есть?

Он бросил острый взгляд на пришедшего — взгляд, в котором начисто отсутствовали всякие намеки на скромность и милосердие.

— Новостей никаких. Попытка провалилась. Правда, ничего другого я и не ожидал.

— Ах вот как, — произнес месье Папополус. — Но 15
ведь никаких силовых методов...

Он взмахом руки продемонстрировал свое отрицательное отношение к применению каких-либо силовых методов. Ни сам месье Папополус, ни товары, которыми он занимался, не имели ничего общего с силовыми методами. Торговца принимали при всех монарших дворах Европы, а короли дружески обращались к нему просто по имени. Антиквар обладал репутацией человека, умеющего хранить абсолютную тайну. Именно это, наряду с его благородным внешним видом, позволило ему повернуть несколько сделок весьма сомнительного свойства.

— Прямое нападение, — продолжил месье Папополус, покачав головой, — хоть и дает иногда результат, но это случается крайне редко.

Седовласый мужчина пожал плечами.

— В большинстве случаев оно экономит время, — заметил он. — А неудача в этом случае ничего не стоит, потому что мой основной план не подведет.

— Вы так считаете? — Антиквар внимательно посмотрел на говорившего.

Тот медленно кивнул ему в ответ.

— Я очень высокого мнения о вашей, так сказать, репутации, — произнес Папополус.

Месье Маркиз мягко улыбнулся.

— Думаю, что не ошибусь, — негромко ответил он, — если скажу, что ваша вера не будет обманута.

— У вас есть уникальные возможности, — сказал антиквар с ноткой зависти в голосе.

— Я сам создаю их для себя, — был ответ Маркиза.

С этими словами он встал и взял накидку, которую небрежно бросил на спинку стула.

16 — Я буду держать вас в курсе по обычным каналам, месье Папополус. Однако с вашей стороны не должно быть никаких ошибок.

Месье Папополус принял оскорбленный вид.

— А я никогда и не допускаю никаких ошибок, — заметил он.

Посетитель улыбнулся и, не попрощавшись, вышел из комнаты, закрыв за собою дверь.

Месье Папополус с минуту сидел, в задумчивости поглаживая свою великолепную бороду, а затем подошел ко второй двери, которая вела в глубину дома. Когда он открыл ее, в комнату, головой вперед, ввалилась молодая женщина, которая, очевидно, подслушивала всю беседу, приложив ухо к замочной скважине. Антиквар не проявил по этому поводу ни удивления, ни недовольства. По-видимому, все это было для него совершенно естественным.

— Ну, и что ты можешь сказать по поводу всего этого, Зия? — спросил мужчина.

— Я не услышала, как он вышел.

Зия была статной, симпатичной девушкой, с блестящими темными глазами, которая настолько походила на месье Папополуса, что не оставалось никаких сомнений в том, что он был ее отцом.

— Очень неудобно, — сказала она раздосадованно, — что через замочную скважину нельзя одновременно и смотреть, и слушать.

— Это всегда меня очень раздражало, — согласился с ней антиквар.

— Так вот он какой, этот месье Маркиз, — медленно произнесла Зия. — А он что, все время носит маску, а, папа?

— Все время.

Последовала пауза.

— Я полагаю, речь идет о рубинах? — спросила девушка. 17

Ее отец кивнул в подтверждение ее слов.

— Ну, и что думает моя малышка? — спросил он с тенью одобрения в черных, похожих на бусинки глазах.

— О Маркизе?

— Именно.

— Думаю, — задумчиво заметила девушка, — что очень трудно найти чистокровного англичанина, который так безукоризненно владел бы французским языком.

— Ах, так вот что пришло тебе в голову, — заметил месье Папополус. Как всегда, он ничем себя не выдал, но посмотрел на дочь с несомненным восхищением.

— А еще я подумала, — продолжила Зия, — что голова у него странной формы.

— Ты права, — согласился отец. — Она у него слегка великовата для его комплекции. Но подобное иногда бывает, если человек носит парик.

Они взглянули друг на друга и улыбнулись.

Глава 3

«СЕРДЦЕ ПЛАМЕНИ»

Руфус ван Олдин прошел сквозь вращающиеся двери гостиницы «Савой» и направился к стойке портье. Клерк за стойкой улыбнулся ему и почтительно поздоровался.

— Рад, что вы благополучно вернулись, мистер ван Олдин, — произнес он.

Американский миллионер ответил на его приветствие небрежным кивком.

— Всё в порядке? — спросил он.

— Да, сэр. Майор Найтон ждет вас наверху, в апартаментах.

Ван Олдин снова кивнул.

— Почта? — удостоил он клерка следующего вопроса.

— Вся уже отправлена наверх. Хотя подождите минутку, — клерк посмотрел в ячейке и достал оттуда письмо. — Только что принесли, — объяснил он.

Когда Руфус ван Олдин взял у него письмо и увидел адрес, написанный женским почерком, его лицо изменилось — резкие черты сгладились, а твердо сжатый рот смягчился. Сейчас он выглядел совсем другим человеком. Миллионер прошел к лифтам, держа письмо в руках и продолжая улыбаться.

В гостиной его номера за столом сидел молодой человек, который проворно разбирал почту, что сви-

детельствовало о том, что он делает это далеко не в первый раз. Человек вскочил на ноги, когда вошел ван Олдин.

— Привет, Найтон!

— Рад, что вы вернулись, сэр. Хорошо съездили?

— Да так себе, — равнодушно ответил миллионер. — В наше время Париж превращается в захолустный городишко. Хотя я привез то, за чем ездил.

И он сурово улыбнулся сам себе.

— Насколько я знаю, вы всегда добиваетесь своего, — рассмеялся молодой человек.

— Вот именно, — подтвердил американец.

Это было сказано небрежным тоном, как будто он произносил избитую истину. Скинув свое теплое пальто, Руфус прошел к столу.

— Есть что-то срочное?

— Да вроде бы нет, сэр. Обычная рутина. Правда, я еще не закончил с почтой...

Ван Олдин коротко кивнул. Не в его привычках было хвалить или ругать работников. Со своими сотрудниками он обращался очень просто: давал им возможность показать себя и без сожаления расставался с теми, кто не соответствовал его требованиям.

При выборе же сотрудников он был чужд всяких условностей. Найтона, например, ван Олдин случайно встретил два месяца назад на швейцарском курорте. Парень ему понравился, и миллионер изучил его армейский послужной список, в котором нашел объяснение легкой хромоте, с которой ходил молодой человек. Найтон не скрывал, что ищет работу, и в разговоре с ван Олдином спросил, нет ли у кого-нибудь из его знакомых свободных вакансий. Тот с мрачным изумлением иногда вспоминал, как

20 потрясен был молодой человек, когда ему предложили пост личного секретаря самого великого человека.

— Но у меня нет никакого опыта в бизнесе, — заявляя от неожиданности, произнес он.

— А вот это совсем не важно, — ответил ван Олдин. — Бизнесом у меня уже занимаются три помощника. Все дело в том, что ближайшие шесть месяцев я планирую провести в Англии и мне нужен секретарь-англичанин, который, как говорится, имеет нужные связи и сможет организовать для меня мою светскую жизнь.

И до сих пор ван Олдин не разочаровался в своем выборе. Найтон обладал живым умом и оказался интеллигентным и трудолюбивым молодым человеком с прекрасными манерами...

Секретарь указал на три или четыре письма, которые лежали на столе отдельно от остальных.

— Наверное, сэръ, стоит начать вот с этих, — предложил он. — Самое верхнее касается соглашения с Колтоном...

Но Руфус ван Олдин сделал протестующий жест рукой.

— Сегодня я не собираюсь заниматься всей этой ерундой, — заявил он. — Все это спокойно подождет до завтра. Все, кроме вот этого, — добавил он, глядя на письмо, которое держал в руке. На его лице снова промелькнула та самая странная улыбка, которая так сильно его меняла.

Ричард Найтон понимающе улыбнулся.

— Миссис Кеттеринг? — поинтересовался он. — Она звонила вам и вчера, и сегодня и, кажется, ждет не дождется, когда сможет с вами увидеться.

— Не может быть!

Улыбка сошла с лица мужчины — он надорвал конверт, который был у него в руках, и достал из него единственный листок, который в нем был.

Пока он читал то, что было на нем написано, лицо его потемнело, на губах появилась зловещая улыбка, которую так хорошо знали на Уолл-стрит, а брови угрожающе сомкнулись. Найтон тактично отвернулся и вернулся к сортировке писем. Миллионер произнес негромкое ругательство и ударил кулаком по столу.

— Больше я этого терпеть не намерен, — пробормотал он себе под нос. — Бедняжка... хорошо, что у нее есть папочка, который сможет ее защитить.

Несколько минут он, с сердито сдвинутыми бровями, мерил шагами комнату. Найтон все еще прилежно занимался почтой, сидя за столом. Внезапно ван Олдин резко остановился и взял пальто с того стула, на который бросил его, когда вошел.

— Вы опять уходите, сэр?

— Да, пойду навещу дочь.

— А если позвонят от Колтона?..

— Скажите им, чтобы убирались к чертовой матери, — произнес американец.

— Очень хорошо, — ответил секретарь не моргнув глазом.

Ван Олдин успел уже надеть пальто. Нахлобучив шляпу, он направился к двери. Взявшись за ручку, остановился.

— Вы хороший парень, Найтон, — произнес он, — совсем не достаете меня, когда я разозлен.

Молодой человек слегка улыбнулся, но ничего не сказал.

— Рут — мой единственный ребенок, — объяснил американец, — и никто на свете даже не представляет,

22 что она для меня значит... — Его лицо осветилось слабой улыбкой, и он засунул руку в карман. — Найтон, хотите покажу вам кое-что?

Американец отошел от двери и вернулся к столу. Из кармана он достал предмет, аккуратно завернутый в коричневую плотную бумагу. Сняв обертку, достал большой потертый футляр из красного бархата. В середине крышки располагались какие-то инициалы, под которыми была изображена корона. Ван Олдин раскрыл футляр, и секретарь резко втянул воздух от изумления. На слегка пожелтевшем белом атласе, который покрывал футляр изнутри, камни больше походили на яркие пятна крови.

— Боже, сэр! — воскликнул Найтон. — Они что, настоящие?

Раздался негромкий довольный смех ван Олдина.

— Неудивительно, что вы это спрашиваете. Среди этих рубинов есть три самых больших в мире. Их носила русская императрица Екатерина, Найтон. Тот, что в центре, называется «Сердце пламени». Он совершенно безупречен — ни одного изъяна.

— Но ведь, — прошептал секретарь, — они должны стоить целое состояние...

— Четыреста или пятьсот тысяч долларов, — беззаботно ответил ван Олдин. — И это помимо их исторической ценности.

— И вы носите их вот так запросто, в кармане?

Американец весело рассмеялся.

— Именно так. Это мой подарок моей доченьке.

Секретарь сдержанно улыбнулся.

— Теперь я понимаю, почему миссис Кеттеринг с таким нетерпением разыскивала вас по телефону.

Но ван Олдин отрицательно покачал головой. На его лицо вернулось жесткое выражение.

— Вот здесь вы ошибаетесь, — промолвил он, — 23
она ничего об этом не знает. Это мой маленький сюр-
приз для нее.

Закрыв футляр, американец стал медленно заворачи-
вать его в бумагу.

— Это очень тяжело, Найтон, — пожаловался он, —
когда мало чем можешь помочь тому, кого любишь.
Я мог бы купить Рут много земли, но она ей совсем ни
к чему. Когда я повешу эти камешки ей на шею, она
будет радоваться несколько минут, но...

Он еще раз покачал головой.

— Когда женщина не может найти счастья у себя
в доме...

Ван Олдин не закончил, но секретарь сдержанно
кивнул в знак понимания. Ему лучше, чем многим,
была известна репутация достопочтенного¹ Дерекка
Кеттеринга.

Миллионер вздохнул, засунул сверток в карман и,
кивнув Найтону, вышел из комнаты.

¹ В Великобритании титул детей пэров.

Глава 4

НА КЕРЗОН-СТРИТ

Достопочтенный Дерек Кеттеринг и миссис Кеттеринг проживали на Керзон-стрит. Дворецкий, который открыл дверь, мгновенно узнал Руфуса ван Олдина и позволил себе слегка улыбнуться, приветствуя его. Он провел пришедшего в громадную гостиную на первом этаже дома. Женщина, сидевшая около окна, вскочила и воскликнула:

— Папочка, вот это настоящий сюрприз! Я звонила майору Найтону весь день, пытаюсь разыскать тебя, но он не знал точно, когда ты появишься.

Рут Кеттеринг было двадцать восемь лет от роду. Ее нельзя было назвать ни красивой, ни даже хорошенькой в обычном понимании этого слова, но она привлекала к себе взгляды из-за цвета своих волос. В свое время самого ван Олдина дразнили «морковкой» и «рыжиком», а волосы Рут были темно-рыжими. Вместе с этим у нее были темные глаза и совсем черные ресницы — комбинация, которая столь высоко котировалась у художников. Она была высокой, стройной, с грациозными движениями. С первого взгляда могло показаться, что это лицо принадлежит Мадонне кисти Рафаэля. Но внимательный наблюдатель заметил бы у нее те же линии скул и подбородка, как и у ее отца, которые говорили о

жесткости и настойчивости в достижении цели. Если такие черты характера были хороши у мужчины, то женщине они подходили несколько меньше. С самого детства Рут ван Олдин привыкла получать то, что хотела, а если кто-то пытался ее в этом остановить, то очень быстро понимал, что дочь Руфуса ван Олдина никогда не сдастся.

— Найтон сказал, что ты звонила, — объяснил миллионер. — Я только полчаса назад вернулся из Парижа. Ну, что опять натворил этот Дерек?

Рут Кеттеринг покраснела от злости.

— Это совершенно невозможно — он перешел все границы! — воскликнула женщина. — Он... он попросту отказывается слушать то, что я ему говорю.

В ее голосе слышались и недоумение, и гнев.

— Ну, меня-то он послушает, — мрачно заметил американец.

Рут продолжила:

— За последний месяц я его почти не видела. Он везде появляется с этой женщиной...

— С какой такой «этой женщиной»?

— С Мирей. Она танцовщица из «Парфенона». Слышал когда-нибудь о таком заведении?

Ван Олдин кивнул.

— На прошлой неделе я ездила в Леконбери. И поговорила с лордом Леконбери. Он был невероятно добр ко мне и полностью меня поддерживает. Он обещал серьезно поговорить с Дерекком.

— Ах вот как! — произнес ван Олдин.

— Что ты хочешь сказать своим «ах вот как», папа?

— Именно то, о чем ты сама уже догадалась, Рут. Старина Леконбери уже почти вышел из игры. Конечно, он тебе симпатизирует, и, конечно, он пытается тебя успокоить — ведь его сын и наследник женат

26 на наследнице одного из богатейших людей Америки, а это не фунт изюму. Он совсем не хочет, чтобы с вашим браком что-то произошло. Но он уже стоит одной ногой в могиле, и все это знают, поэтому все, что бы он ни сказал, на Дерекка никакого впечатления не произведет.

— А ты можешь что-нибудь сделать, папа? — с мольбой в голосе спросила Рут после долгого молчания.

— Могу, — ответил миллионер. Помолчав в задумчивости несколько мгновений, он продолжил: — Я могу сделать несколько вещей, но только одна из них тебе действительно поможет. Вопрос только в том, хватит ли у тебя мужества, Рут.

Дочь устала на отца, и он кивнул ей утвердительно.

— Я имею в виду именно то, что ты сейчас услышишь. Сможешь ли ты признать перед всем светом, что сделала ошибку? Но это единственный способ выбраться из этой ямы. Забудь о своих потерях и начни все сначала.

— Ты имеешь в виду...

— Развод.

— Развод!..

Ван Олдин сухо улыбнулся.

— Ты так произнесла это слово, как будто никогда до сегодняшнего дня его не слышала. А ведь твои знакомые разводятся чуть ли не каждый день.

— Это я хорошо знаю, но...

Молодая женщина остановилась и прикусила губу. Ее отец понимающе кивнул.

— Я знаю тебя, Рут. Как и я, ты не можешь выпустить из рук то, что в них попало. Но я понял — и ты тоже должна это понять, — что иногда это единствен-

ный выход. Может быть, мне и удалось бы вернуть Дерека к тебе на какое-то время, но конец был бы в любом случае такой же. Рут, ты должна в итоге осознать, что он никчемный, гнилой человек. И запомни, я буду вечно ругать себя за то, что позволил тебе выйти за него замуж. Но в то время ты заиклилась на том, чтобы заполучить его, а он, казалось бы, всерьез решил начать новую жизнь. Да и кроме того, дорогая, я уже один раз воспрепятствовал тебе...

Произнося эти последние слова, ван Олдин отвел взгляд от дочери. Если бы он этого не сделал, то заметил бы, как кровь прилила к ее щекам.

— Да, один раз ты это уже сделал, — произнесла Рут напряженным голосом.

— А я слишком мягкосердечен, чтобы сделать такое во второй раз. Хотя не могу тебе передать, как мне хотелось это сделать. Последние несколько лет, Рут, ты живешь кошмарной жизнью.

— Ну, можно сказать и так, — согласилась женщина.

— Именно поэтому я и говорю тебе, что с этим пора покончить раз и навсегда! — Мужчина грохнул кулаком по столу. — У тебя все еще может быть тяга к этому прохвосту; так вот — забудь о нем. Факты — упрямая вещь. Надо признать, что Дерек женился на тебе из-за денег. И всё. Так избавься от него поскорее, Рут.

Она какое-то время смотрела в пол, а потом спросила, не поднимая головы:

— А что, если он не согласится?

Ван Олдин в изумлении уставился на дочь.

— Да его и спрашивать никто не будет.

Женщина покраснела и прикусила губу.

— Ну да, конечно нет. Просто я хотела сказать...

28 Она замолчала, и отец пронизательно посмотрел на нее.

— Что ты хотела сказать?

— То, что... — она замолчала, тщательно подбирая слова, — что он может не согласиться на это без борьбы.

Миллионер зло вздернул подбородок.

— Ты хочешь сказать, что он будет сопротивляться? Ну и пусть! Но ты, девочка, ошибаешься. Сопротивляться он не будет. Любой адвокат, с которым он проконсультируется, расскажет ему, что у него нет никаких шансов.

— А ты не боишься, — Рут заколебалась, — ты не боишься, что из чистой ненависти ко мне он постарается, чтобы это прошло как можно ужасней?

Отец опять с удивлением уставился на дочь.

— Ты имеешь в виду судебные заседания? — Он покачал головой. — Очень маловероятно. Ведь в этом случае он должен располагать какой-то компрометирующей информацией.

Рут ничего не ответила, и ван Олдин бросил на нее еще один внимательный взгляд.

— Ну, давай, дочка, выскажись. Я же вижу, что тебя что-то беспокоит; так скажи, наконец, что?

— Ничего, совсем ничего.

Но голос женщины звучал малоубедительно.

— Ты боишься шума вокруг всего этого, да? Я угадал? Оставь это мне, детка. Я проверну все без сучка без задоринки, так что никто об этом и не узнает.

— Ну, хорошо, папа. Если ты действительно считаешь, что другого выхода у меня нет...

— А ты ведь все еще любишь этого мерзавца, Рут. Правильно?

— Нет.

Казалось, что, произнося это слово, Рут ничуть не колебалась. Ван Олдин выглядел полностью удовлетворенным. Он погладил дочь по плечу.

— Все будет в порядке, детка. Ни о чем не беспокойся. А теперь давай обо всем этом забудем. Я привез тебе подарок из Парижа.

— Мне? Что-нибудь очень хорошее?

— Надеюсь, что он тебе понравится, — улыбнулся миллионер.

Он достал из кармана сверток и передал его дочери. Та нетерпеливо развернула его и открыла футляр. С ее губ сорвалось долгое «о-о-о-о». Рут Кеттеринг всегда любила драгоценности.

— Папа, они просто... просто великолепны!

— Их даже сравнить не с чем, правда? — удовлетворенно заметил миллионер. — Ну как, понравились?

— Понравились? Папа, да им цены нет! Где тебе удалось их откопать?

Ван Олдин улыбнулся.

— А вот это мой секрет! Конечно, мне пришлось купить их в частном порядке — дело в том, что они довольно хорошо известны. Видишь вот этот большой камень в середине? Может быть, ты о нем уже слышала — это исторический камень, «Сердце пламени».

— «Сердце пламени», — повторила молодая женщина, вынув ожерелье из футляра и приложив его к груди.

Миллионер наблюдал за ней. На ум ему пришли имена женщин, которые носили эти камни раньше. Все их несчастья, измены и драмы. Как и за большинством знаменитых камней, за «Сердцем пламени» тянулся шлейф трагедий и насилий. Сейчас, когда рубин лежал в уверенной руке Рут, казалось, что он потерял весь свой заряд зла. Эта западная женщина, со своим

30 спокойным и ровным отношением к жизни, казалось, самым своим существованием отрицала возможность любых трагедий и драм.

Рут вернула камни в футляр и, вскочив, крепко обняла отца за шею.

— Спасибо, спасибо тебе, папочка! Они просто великолепны. Ты всегда делаешь мне самые лучшие подарки на свете!

— Не за что, — ответил Руфус, погладив дочь по плечу. — Ведь ты — все, что у меня есть в этой жизни.

— Ты ведь останешься на обед, папа?

— Не думаю. Ты собиралась куда-то?

— Да, но я легко могу это пропустить. Все равно ничего интересного там не будет.

— Нет, нет, — проговорил американец. — Ничего не отменяй из-за меня. У меня и так скопилось много дел... Давай увидимся завтра, моя дорогая. Может быть, я позвоню тебе и мы заедем к Гэлбрайтам?

Господа из адвокатской конторы «Гэлбрайт, Гэлбрайт, Катбертсон и Гэлбрайт» были лондонскими стряпчими ван Олдина.

— Очень хорошо, папа... — Женщина заколебалась. — Как ты считаешь, из-за всего этого мне не придется отменить поездку на Ривьеру в этом году?

— А когда ты туда собираешься?

— Четырнадцатого.

— Ну конечно, нет. Такие дела быстро не делаются. Кстати, Рут, на твоём месте я не стал бы брать эти рубины за границу. Оставь их здесь, в банке.

Миссис Кеттеринг кивнула.

— Мы же не хотим, чтобы тебя убили из-за этого «Сердца пламени», — шутливо сказал Руфус.

— И в то же время сам ты вез их просто в кармане, — возразила ему дочь, улыбаясь.

— Да...

Что-то в его голосе, какое-то легкое колебание, привлекло внимание его дочери.

— В чем дело, папа?

— Да так, ни в чем. Просто вспомнил об одном маленьком приключении в Париже.

— Приключении?

— Да, в ту ночь, когда я купил эти камни. — Он жестом указал на футляр.

— Так расскажи же мне.

— Да рассказывать, в общем-то, не о чем. Какие-то мелкие бандиты хотели взять меня в оборот, и мне пришлось стрелять. После этого они тут же испарились. Вот, собственно, и всё.

Рут с гордостью посмотрела на своего отца.

— А ты крепкий орешек, папочка.

— Это точно, Рут.

Руфус нежно поцеловал дочку и уехал.

Появившись в «Савое», он отдал Найтону краткие распоряжения:

— Пригласите сюда человека по имени Гоби — его адрес вы найдете в моей личной записной книжке. Пусть он явится сюда завтра, в половине девятого утра.

— Хорошо, сэр.

— А еще я хочу видеть мистера Кеттеринга. Если сможете, то разыщите его. Попробуйте в клубе — в любом случае найдите его и тоже пригласите его на завтрашнее утро. Только попозже, около двенадцати. Этот молодчик не любит рано вставать.

После того как секретарь подтвердил, что понял свою задачу, ван Олдин передал себя в руки своего слуги. Его ванна была уже готова, и, наслаждаясь горячей водой, мыслями он возвратился к разговору с дочерью. В общем и целом мужчина был полностью

32 удовлетворен. Его пронизательный ум уже давно смирился с тем фактом, что развод был для нее единственным возможным выходом. Рут согласилась с его предложением легче, чем он ожидал. Но, несмотря на ее уступчивость, ван Олдин чувствовал какое-то беспокойство. Что-то в манере поведения дочери показалось ему не совсем обычным. Улыбнувшись самому себе, он пробормотал:

— Наверное, это все мои причуды, но готов поклясться, что что-то она от меня утаила.

Глава 5

ПОЛЕЗНЫЙ ДЖЕНТЛЬМЕН

Руфус ван Олдин только закончил свой скромный завтрак, состоявший из кофе и подсушенного тоста — это было все, что он позволял себе по утрам, — когда в комнату вошел Найтон.

— Мистер Гоби ожидает внизу, сэр, — доложил он.

Миллионер взглянул на часы — было ровно половина девятого.

— Очень хорошо, — сказал он коротко. — Пусть поднимается.

Через пару минут в комнату вошел мистер Гоби. Он был небольшим пожилым человечком, одетым в поношенную одежду, с глазами, которые постоянно шарили вокруг, но никогда не смотрели на собеседника хозяина.

— Доброе утро, Гоби, — поприветствовал его миллионер. — Берите себе стул и присаживайтесь.

— Благодарю вас, мистер ван Олдин.

Человечек уселся, сложив руки на коленях, и внимательно уставился на батарею отопления.

— У меня есть для вас поручение.

— Слушаю вас, мистер ван Олдин.

— Вероятно, вы знаете, что моя дочь замужем за distinguished Дерекот Кеттерингом.

Мистер Гоби перевел взгляд с батареи отопления на левый ящик стола и позволил снисходительной

34 улыбке появиться на своем лице. Он знал кучу вещей, но никогда не соглашался признать этот факт.

— По моему совету она собирается подать на развод. Естественно, этим делом займутся адвокаты, но, по целому ряду личных причин, мне необходима самая полная и точная информация.

— На мистера Кеттеринга? — спросил мистер Гоби и посмотрел на карниз.

— На мистера Кеттеринга.

— Очень хорошо, сэр, — гость поднялся на ноги.

— Она уже у вас есть?

— А что, надо поторопиться, сэр?

— Да, — ответил миллионер.

— Тогда она будет у вас сегодня, к часу дня.

— Отлично, — согласился миллионер. — Всего вам хорошего, мистер Гоби.

— И вам того же, мистер ван Олдин.

— Это очень полезный человек, — сказал миллионер вошедшему секретарю, когда человечек покинул комнату. — В своей области он настоящий эксперт.

— А в какой области он трудится?

— В области информации. Дайте ему двадцать четыре часа, и он выложит перед вами всю подноготную частной жизни архиепископа Кентерберийского.

— Действительно, очень полезный человек, — улыбнулся Найтон.

— Он мне здорово помог пару раз, — заметил ван Олдин. — Ну что же, Найтон, давайте начнем работать.

В течение следующих нескольких часов им удалось решить массу текущих вопросов, связанных с бизнесом. В половине первого раздался звонок телефона, и Найтон сообщил американцу, что прибыл мистер Кеттеринг. Правильно истолковав кивок ван Олдина, секретарь проговорил в трубку:

— Попросите мистера Кеттеринга подняться.

Секретарь собрал все свои бумаги и вышел. В дверях он столкнулся с посетителем, и Дерек Кеттеринг отступил в сторону, чтобы дать ему пройти. После этого он сам вошел в комнату и закрыл за собой дверь.

— Доброе утро, сэр. Слышал, что вам очень хочется видеть меня.

Этот ленивый голос, звучавший с долей иронии, пробудил у ван Олдина массу воспоминаний.

В голосе Дерекка было определенное очарование — оно всегда в нем присутствовало. Миллионер бросил на своего зятя пронизательный взгляд. Кеттерингу исполнилось тридцать четыре года; он был сухощав, с темным узким лицом, в котором даже сейчас было видно что-то мальчишеское.

— Входите, — коротко пригласил ван Олдин, — и садитесь.

Кеттеринг легко уселся в кресло. Он смотрел на своего тестя с веселым снисхождением.

— Давно вас не видел, сэр, — любезно заметил молодой человек. — Около двух лет, наверное. А с Рут вы давно встречались?

— Вчера вечером, — ответил американец.

— Выглядит она неплохо, верно? — легкомысленно поинтересовался Кеттеринг.

— Не думаю, чтобы вы имели возможность судить об этом, — сухо заметил ван Олдин.

Дерек Кеттеринг с удивлением поднял брови.

— Понимаете, мы иногда встречаемся в одном ночном клубе, — легко объяснил он.

— Я не хочу ходить вокруг да около, — коротко произнес ван Олдин. — По моему совету Рут подает на развод.

36 Казалось, это не произвело на Дерекса никакого впечатления, однако вслух он пробормотал:

— Как ужасно! Не возражаете, если я закурю, сэръ?

Кеттеринг зажег сигарету и, выпустив клуб дыма, беззаботно добавил:

— А что думает сама Рут?

— Она решила последовать моему совету, — ответил отец.

— Да неужели?

— Это все, что вы имеете мне сказать? — резко потребовал миллионер.

Молодой человек стряхнул пепел на каминную решетку.

— Я думаю, что вы знаете, — заметил молодой человек с отсутствующим видом, — что она совершает большую ошибку.

— С вашей точки зрения — несомненно, — мрачно заметил Руфус.

— Да бросьте вы, — сказал молодой человек. — Давайте не будем переходить на личности. Как раз сейчас я думал совсем не о себе, а о Рут. Вы же знаете, что мой старик долго не протянет — так говорят все врачи. Рут надо подождать еще пару лет, и тогда я стану лордом Леконбери, а она — полноправной хозяйкой Леконбери; ведь, кажется, именно из-за этого она вышла за меня замуж.

— Я не собираюсь выслушивать здесь ваши проклятые гнусности, — заревел Руфус.

Дерек Кеттеринг спокойно улыбнулся.

— Согласен с вами, сэръ. С одной стороны, идея абсолютно идиотская, — сказал он, — ведь титул в наши дни ничего не стоит. Но с другой стороны, Леконбери — это старинное поместье, а мы — одна из старейших семей Англии. Думаю, что Рут сильно рас-

строится, когда, разведясь со мной, узнает, что я опять женился и что вместо нее в Леконбери правит совсем другая женщина.

— Молодой человек, я с вами не шучу, — заметил ван Олдин.

— Да и я тоже не собираюсь, — согласился Кеттеринг. — Я сейчас здорово на мели, а если Рут со мной разведется, то я окажусь в глубокой яме. Подумайте сами, если она терпела меня все эти десять лет, то почему не потерпеть еще немножко? Я даю вам свое слово чести, что старик не протянет дольше восемнадцати месяцев, и, как я уже сказал, будет жаль, если Рут не получит того, ради чего затевалась вся эта свадьба.

— Уж не хотите ли вы сказать, что моя дочь вышла за вас замуж из-за вашего титула и положения в обществе?

Дерек Кеттеринг рассмеялся совсем невеселым смехом.

— А вы что же, думаете, что речь шла о большой любви?

— Я помню, — медленно произнес ван Олдин, — что десять лет назад, в Париже, вы говорили совсем по-другому.

— Да неужели? Что ж, возможно. Знаете, Рут тогда была очень красива — то ли ангел, то ли демон, то ли какое-то божественное существо. А у меня в то время, насколько я вспоминаю, была идея начать все с чистого листа, остепениться и зажить в соответствии с высочайшими традициями английской семьи, с красавицей женой, которая меня любит... — Он опять рассмеялся, на этот раз совсем невесело. — Но ведь вы в это не поверите.

— Я совершенно уверен, что вы женились на Рут из-за денег, — сообщил американец без всяких эмоций.

38 — А она вышла за меня замуж по большой любви? — раздался иронический вопрос зятя.

— Конечно, — подтвердил отец.

Дерек Кеттеринг несколько минут молча смотрел на американца, а потом задумчиво кивнул.

— Я вижу, что вы в это верите, — сказал он. — Когда-то я тоже верил, и уверяю вас, мой дорогой тесть, я очень быстро разочаровался.

— Не понимаю, к чему вы все это говорите, — признался ван Олдин, — да мне это и неинтересно. Вы чертовски плохо относились к Рут.

— А вот это правда, — легко согласился Дерек. — Но, знаете, она очень жесткая женщина. Вся в отца. Под этой ее розовато-белой мягкостью скрывается твердость гранита. О вас всегда говорили как об очень жестком человеке — так я, по крайней мере, слышал, — но Рут еще жестче. Вы ведь хотя бы любите одного человека на этом свете, а Рут никогда и никого не любила — и не полюбит.

— С меня достаточно, — решил ван Олдин. — Я пригласил вас сюда, чтобы честно и откровенно предупредить вас. Моя дочь заслужила немного счастья в этой жизни, и, запомните хорошенько, я для нее его добуду.

Кеттеринг встал, подошел к камину и выбросил в него сигарету. Когда он заговорил, его голос был еле слышен.

— Интересно, что вы хотите этим сказать? — поинтересовался он.

— А то, что вам лучше не пытаться защищаться в суде.

— Ах вот как, — протянул молодой человек. — Это что, угроза?

— Думайте, как хотите, — ответил миллионер.

Кеттеринг поставил стул к столу и уселся прямо напротив американца.

— А если представить себе, что я, — мягко произнес он, — просто ради приличия решил защищаться?

Ван Олдин пожал плечами.

— Послушайте, вы, молодой идиот, у вас нет никаких шансов. Спросите вашего адвоката, и он вам все объяснит. Ваше поведение просто вызывающе, о нем говорит весь Лондон.

— Я слышал, что Рут все возмущается по поводу Мирей. На мой взгляд, это очень глупо с ее стороны. Я ведь ничего не говорю по поводу ее друзей.

— Что это вы имеете в виду? — резко задал вопрос американец.

Дерек Кеттеринг рассмеялся.

— Вижу, что вам далеко не все известно, сэр, — сказал он. — И вы, что совершенно естественно, смотрите на все предвзято.

Он взял свою шляпу и трость и направился к двери. А остановившись там, нанес свой последний удар:

— Я очень редко даю советы, но в данном случае я бы посоветовал, чтобы между вами и дочерью было побольше откровенности.

И он быстро вышел из комнаты, громко хлопнув дверью, как раз в тот момент, когда американец стал подниматься из-за стола.

— И что, черт побери, он хотел этим сказать? — спросил сам себя Руфус, вновь опускаясь в кресло.

Чувство беспокойства вновь вернулось к нему.

Он пока еще не все понял во всем этом деле. Телефон стоял совсем рядом — ван Олдин схватил трубку и назвал номер дома дочери.

— Алло, алло, это Мейфэр, восемьдесят один девятьсот семь? Могу я поговорить с миссис Кетте-

40 ринг?.. Ах, ее нет дома?.. Она вышла на ланч? А когда вернется?.. Ах, вы не знаете?.. Очень хорошо. Нет, спасибо, никаких сообщений.

Миллионер со злостью трахнул трубкой по аппарату.

К двум часам он уже нетерпеливо ходил по комнате, ожидая появления Гоби.

Человечек появился в десять минут третьего.

— Ну? — рявкнул миллионер.

Но мистер Гоби не стал торопиться. Он уселся за стол, достал очень старую и потрепанную записную книжку и, глядя в нее, стал монотонным голосом зачитывать информацию. Американец внимательно слушал, и было видно, как настроение его постепенно улучшается. Закончив, Гоби уставился на корзинку для мусора.

— Отлично, — произнес миллионер. — Все предельно ясно. Суд пройдет без сучка без задоринки. Эти свидетельства из гостиницы... они, я надеюсь, настоящие?

— Железные, — ответил мистер Гоби и недоброжелательно посмотрел на позолоченное кресло.

— И он сейчас на мели? Вы говорите, что он пытается занять денег? Ну правильно, под имя папаши он уже занял все, что мог... Когда просочатся слухи о разводе, ему больше никто не ссудит ни цента; более того, его обязательства могут скупить и предъявить к оплате. Гоби, мы его сделали: теперь он от нас никуда не денется.

Американец хлопнул рукой по столу — его безжалостное лицо светилось от предвкушения победы.

— Кажется, что эта информация, — сказал человек тонким голосом, — вам, сэр, подошла.

— Сейчас мне надо на Керзон-стрит, — ответил 41 миллионер. — Я ваш должник, Гоби. Просто блестящая работа.

На лице мистера Гоби появилась бледная улыбка удовлетворения.

— Благодарю вас, мистер ван Олдин, — произнес он. — Я стараюсь.

Прежде чем попасть на Керзон-стрит, ван Олдин заехал в Сити, где у него были назначены две деловые встречи. Обе закончились очень удачно, что только усилило его общую эйфорию.

Из Сити американец на подземке отправился на Даун-стрит. Когда он шел по Керзон-стрит, из дома №160 появилась мужская фигура, которая повернула ему навстречу. На какую-то долю секунды миллионеру показалось, что навстречу ему идет сам Дерек Кеттеринг — по крайней мере, фигура была очень похожа, — но, подойдя ближе, ван Олдин увидел совсем незнакомого человека. Они прошли мимо друг друга. Хотя нет, мужчина не был абсолютным незнакомцем — лицо его показалось американцу смутно знакомым, и в его голове это лицо ассоциировалось с чем-то плохим и неприятным. Тщетно он напрягал память — образ все время куда-то ускользал. Руфус был совершенно сбит с толку.

Было видно, что Рут ждала его. Она подбежала к нему и поцеловала, как только он вошел.

— Как дела, папочка?

— Прекрасно, — ответил отец, — но мне надо серьезно поговорить с тобою, Рут.

Почти на бессознательном уровне он почувствовал, как она изменилась, как теплота ее приветствия сменилась на что-то расчетливое и настороженное. Женщина уселась в глубокое кресло.

42 — В чем дело, папа? — спросила она. — Что ты хотел мне сказать?

— Сегодня утром я виделся с твоим мужем, — рассказал ван Олдин.

— Ты видел Дерека?

— Да. Он говорил множество вещей, бóльшая часть которых — полная ерунда, которая не стоит твоего внимания. Но перед тем как уйти, он сказал одну вещь, которую я не понял. Он сказал, что между отцом и дочерью должна быть полная откровенность. Как думаешь, Рут, что он имел в виду?

Миссис Кеттеринг слегка поерзала в кресле.

— Я... я не знаю, папочка. Откуда мне это знать?

— А мне кажется, что знаешь, — заметил ван Олдин. — А еще он сказал что-то вроде того, что у него есть свои друзья и он совершенно не интересуется твоими. А это что должно значить?

— Не знаю, — повторила Рут еще раз.

Ван Олдин сел.

— Понимаешь, девочка, я не собираюсь действовать с закрытыми глазами, — рот миллионера превратился в тонкую линию. — Сейчас я совсем не уверен, что этот твой муж не будет чинить нам препятствия. И мне кажется, что он вполне может это сделать. У меня есть способы заставить его замолчать, заставить его навсегда закрыть рот, но я должен ясно понимать, нужно ли мне применять эти способы. Что он имел в виду, говоря, что у тебя есть собственные друзья?

Миссис Кеттеринг пожала плечами.

— У меня много друзей, — проговорила она неуверенным голосом. — Я не знаю, что он имел в виду, правда.

— Нет, знаешь, — повторил американец. Сейчас он говорил тоном, которым мог бы говорить с дело-

вым противником. — Спрошу еще проще: кто этот мужчина? 43

— Какой мужчина?

— Тот самый. Ведь именно об этом говорил Дерек. Какой-то мужчина, который является твоим другом... Не волнуйся, девочка, я знаю, что все это не стоит и выеденного яйца, но мы должны предусмотреть все, что может неожиданно всплыть в суде. Ты же знаешь, как они там умеют все переворачивать с ног на голову. Я просто хочу знать, кто этот мужчина и насколько тесно ты с ним дружишь.

Рут сидела молча, нервно сцепив пальцы на коленях.

— Ну, давай же, детка, — голос ван Олдина стал мягче, — не бойся своего старого папочки. Ведь даже тогда, в Париже, я не был с тобой слишком суров... Боже мой! — Миллионер замолчал, как будто перед ним ударила молния. — Так вот кто это был, — проворчал он себе под нос. — Недаром я почувствовал, что знаю эту физиономию.

— О чем ты говоришь, папочка? Я тебя совсем не понимаю.

Отец подошел к дочери и крепко взял ее за кисть руки.

— Послушай, Рут, ты что, опять встречаешься с этим типом?

— С каким типом?

— Тем самым, из-за которого у нас была стычка много лет назад. Ты прекрасно понимаешь, о ком я говорю.

— Ты, — Рут заколебалась, — ты имеешь в виду графа де ля Рош?

— Граф де ля Рош, — фыркнул ван Олдин. — Я ведь говорил тебе тогда, что этот человек не больше

44 чем простой аферист. Ты тогда здорово влипла, но мне все-таки удалось вырвать тебя из его лап.

— Да, это тебе удалось, — горько заметила молодая женщина. — И после этого я вышла замуж за Дерек Кеттеринга.

— Ты сама этого захотела, — резко ответил ей отец. Рут опять пожала плечами.

— И вот теперь, — медленно произнес американец, — ты опять с ним встречаешься — после всего, что я рассказывал тебе о нем... Сегодня он был у тебя в доме. Я столкнулся с ним на улице и сначала не мог сообразить, кто это такой.

К этому времени Рут уже взяла себя в руки.

— Я хочу сказать тебе, папа, только одну вещь: ты глубоко ошибаешься во всем, что касается Армана... то есть, я хотела сказать, графа де ля Рош. Я сама знаю, что в юности у него было несколько эпизодов, о которых можно сожалеть, — он сам мне о них рассказал; но тем не менее он всегда меня любил. Его сердце разбилось, когда ты заставил нас расстаться в Париже, и вот теперь...

Ее речь была прервана негодующим фырканьем, которое издал ее отец.

— И ты на все это купилась? Ведь ты же моя дочь! О боже мой! — в отчаянии Руфус всплеснул руками. — Женщины иногда бывают такими идиотками.

Глава 6

МИРЕЙ

Дерек Кеттеринг вылетел из апартаментов ван Олдина с такой скоростью, что столкнулся с леди, которая в этот момент проходила по коридору. Он тут же извинился, и его извинения были с улыбкой приняты — женщина прошла мимо, оставив ему воспоминания о ее приятной наружности и красивых серых глазах.

Несмотря на все его показное равнодушие, встреча с тестем произвела на Дерекa гораздо больший эффект, чем он сам себе хотел в этом признаться. Кеттеринг перекусил в одиночестве, а потом, улыбаясь, направился в роскошную квартиру, служившую гнездышком для одной леди, которую все знали под именем Мирей. В дверях его с улыбкой встретила аккуратная француженка-служанка.

— Входите же, месье. Мадам отдыхает.

Его провели в длинную комнату, отделанную в восточном стиле, которую он так хорошо знал. Мирей лежала на диване, поддерживаемая невероятным количеством подушек всех оттенков янтаря, которые гармонировали с коричнево-желтоватым цветом кожи женщины. Танцовщица была очень красива, и хотя ее лицо казалось несколько изможденным, в нем было свое неповторимое обаяние, а ее накрашенные оран-

46 жевой краской губы приветственно улыбались на встречу Дереку Кеттерингу.

Он поцеловал ее и бросился в кресло.

— И чем же ты занималась? Наверное, только что встала?

Оранжевые губы растянулись в улыбке.

— Не угадал, — ответила танцовщица. — Я работала. — И она длинной белой рукой махнула в сторону фортепьяно, крышка которого была завалена нотами. — Приходил Амбруаз, и мы разучивали с ним новую оперу.

Кеттеринг кивнул, почти не прислушиваясь к тому, что говорила женщина. Его совершенно не интересовал Клод Амбруаз и его оперные изыски в «Пер Гюнте» Ибсена. Мирей, кстати, это тоже не очень интересовало — для нее главной была возможность дебютировать в роли Анитры.

— Это просто потрясающий танец, — проворковала она. — Я вложу в него всю страсть пустыни. Буду танцевать вся увешанная драгоценностями. Кстати, *mon ami*¹, вчера на Бонд-стрит я видела черную жемчужину...

Танцовщица замолчала и бросила на мужчину призывный взгляд.

— Милая девочка, — ответил Кеттеринг, — со мною бесполезно говорить о черных жемчужинах. В настоящее время, насколько я понимаю, я лишился самого последнего.

Женщина мгновенно среагировала на тон его голоса. Она села, и ее большие черные глаза стали еще больше.

— Что ты сказал, Дерек? Что случилось?

¹ Мой друг (*фр.*).

— Мой глубокоуважаемый тесть, — объяснил Кеттеринг, — собирается сорваться с крючка. 47

— Прости...

— Иными словами, он хочет, чтобы Рут развелась со мной.

— Как глупо, — заметила Мирей. — Зачем ей с тобою разводиться?

— В основном из-за тебя, *cherie!*¹ — улыбнулся Кеттеринг.

Мирей пожала плечами.

— Это глупость, — сказала она равнодушным голосом.

— И большая глупость, — согласился Дерек.

— И что же ты собираешься со всем этим делать? — поинтересовалась женщина.

— Моя дорогая девочка, а что я могу сделать? С одной стороны — человек с почти неисчерпаемыми денежными ресурсами; с другой — я, с неисчерпаемыми долгами. Кто победит, по-моему, совершенно ясно.

— Все-таки эти американцы какие-то странные, — прокомментировала Мирей. — Ведь твоя жена тебя, кажется, любила?

— И что же мы теперь будем делать? — спросил Дерек.

Танцовщица вопросительно посмотрела на него. Мужчина подошел и взял обе ее руки в свои.

— Ты же меня не бросишь?

— Что ты имеешь в виду? После...

— Вот именно, — подтвердил Кеттеринг. — Именно после, когда на меня набросятся все кредиторы, как волки в голодный год. Ты мне чертовски нравишься, Мирей; ты ведь меня не предашь?

¹ Милая (*фр.*).

48 Женщина убрала руки.

— Ты же знаешь, что я обожаю тебя, Дериик.

Что-то в ее голосе подсказало ему, что Мирей хочет уйти от прямого ответа.

— Ах вот как? Крысы бегут с тонущего корабля!

— Ну, Дериик!..

— Хватит, — резко сказал Кеттеринг. — Ты от меня сразу же уйдешь, правильно?

Женщина опять пожала плечами.

— Ты мне очень нравишься, *mon ami*, правда. Ты такой очаровательный, настоящий *un beau garçon*¹, но *ce n'est pas pratique*².

— Хочешь сказать, что ты игрушка для богатого мужчины, правда?

— Ну, если тебе так больше нравится... — Мирей откинулась на подушки, закинув голову вверх. — И все равно ты мне нравишься, Дериик.

Кеттеринг подошел к окну и стоял там некоторое время, повернувшись к женщине спиной.

Наконец танцовщица оперлась на локоть и с любопытством посмотрела на мужчину.

— О чем ты сейчас думаешь, *mon ami*?

Он ухмыльнулся ей через плечо странной улыбкой, которая заставила женщину поежиться.

— Как ни странно, но я думал о женщине, дорогая.

— О женщине? — Теперь Мирей почувствовала себя уверенней. — Так ты думаешь о другой женщине, да?

— Тебе не о чем беспокоиться; это просто образ, который мне привиделся. Образ женщины с серыми глазами.

¹ Красивый мальчик (*фр.*).

² Это непрактично (*фр.*).